

¹² Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М., 2008. С. 225.

¹³ См.: Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопр. психологии. 2006. № 3. С. 122.

¹⁴ См.: Рыбалко И. В. «Новые отцы» в современной России : представление мужчин о родительстве // Вестн. Саратовского гос. технического ун-та. 2006. № 3, вып. 2. С. 236.

УДК 200. 21

«МЕТАМОРФОЗЫ ЗЕРКАЛА» В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ОЧИЩЕНИЯ УМА

Ю. М. Дуплинская

Саратовский государственный технический университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

Статья посвящена сравнительному анализу феноменологического опыта «чистого сознания» в различных традициях – как сакральных, так и десакрализованных. Сравниваются разнообразные модификации символики зеркала, к которым приводят сходные приемы «очищения ума» в феноменологическом опыте разных традиций. Рассматривается специфика опыта православия в его отношении к символике зеркала.

Ключевые слова: техники «очищения сознания», символы «чистого сознания», зеркало, поток, время, энергия, тварное бытие, падшее бытие.

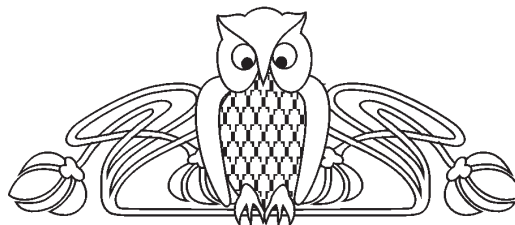
«Mirror Metamorphoses» in Comparative Phenomenology of Clarification of Mind

Yu. M. Duplinskaya

Article is devoted the comparative analysis of phenomenological experience of «pure consciousness» in various traditions, as sacral, and desacranunted. Various updatings of symbolics of a mirror in which result similar receptions «mind clarifications» in phenomenological experience of different traditions are compared. Specificity of experience of Orthodoxy in its relation to mirror symbolics is considered.

Key words: technicians of «consciousness clarification», symbols of «pure consciousness», mirror, stream, time, energy, created life, fallen life.

В дальневосточных вариантах буддизма устройство мироздания обычно иллюстрируется следующим образом: вокруг горящей свечи (или статуи Будды) несколько зеркал располагаются таким образом, чтобы ее свет отражался в них до бесконечности. Этим примером иллюстрируется принцип «все в одном и одно во всем» – в каждом элементе весь мир, и этот элемент в каждом другом элементе. Впервые к такому способу объяснения основ учения прибегнул основатель одной из школ дальневосточного буддизма Фа-цзан. Сегодня такой взгляд на вещи получил название голографического, или холономного подхода. Можно еще добавить, что зеркальные проекции распространяются не

только в пространстве, но и во времени. С точки зрения современных представлений о реальности нет ничего невозможного в том, чтобы не только будущее являлось отражением прошлого, но и прошлое было отражением будущего. Таким зеркальным лабиринтом голографического видения, для которого «все содержится во всем», может предстать перед нами история религий с подачи секуляризованного религиоведения. Картография сакральной сферы сегодня предстала перед нами в виде фрактального размножения сходства и подобия архетипической символики. Центр, из которого совершается размножение этих подобий, можно при желании увидеть «повсюду и нигде».

Мы обратимся к анализу символики зеркала в сравнительной феноменологии «очищения ума» в разных сакральных традициях, но в противоположность приведенному примеру нашей задачей будет не иллюстрация холономного подхода к истории религий, а наоборот – его преодоление. Чтобы выбраться из лабиринта сходства и подобия, следует выявить субординацию зеркальных отражений. Даже в приведенном примере нельзя игнорировать наличия настоящего, а не отраженного источника света – места, в котором «на самом деле» горит свеча.

Образ души практически в любой мифологии и во всех сакральных традициях так или иначе связан с символикой воды (в христианстве этот архетип связан с таинством крещения – «очищения водой»). Образ воды находит органическое продолжение в символике зеркала: одним из главных свойств водной поверхности является ее способность отражать и принимать в себя образы. Именно водная стихия с ее способностью отражать, быть зеркалом традиционно считается стихией *душевного*, в отличие от *духовного*, мира, связанного с символикой огня («очищение огнем»). Нельзя не отметить амбивалентности символики зеркала: зеркало

может как быть отражением образа Божьего, так и создавать «зеркальные лабиринты», в которых может заблудиться душа.

Наличие параллелей, связанных с символической зеркалом, прослеживается как в различных сакральных традициях, так и в истории философских учений, причем как сакрально укорененных, так и максимально десакрализованных.

В античной философии господствует оптическая, или визуальная метафора познания как *умозрения* – созерцания, всматривания, видения образов и прообразов умственными «очами». Греческое слово «эйдос» происходит от глагола «эйдю» – видеть, созерцать, поэтому термин «идея» в платоновском понимании имеет такие смысловые оттенки, как «вид», «облик», «образ». Здесь подразумевается трактовка познающей души в русле символики зеркала. Это зеркало может быть чистым или замутненным. Оно может обращаться в разные стороны: наружу, отражая чувственный мир, или внутрь, отражая идеи – прообразы всех вещей, поэтому в платонизме наряду с метафорой сущего как тени существует метафора сущего как отражения в зеркале.

В концепции неоплатоников возникновение космоса понимается как серия нисхождений Единого: Единое → Ум → Душа → чувственный космос. В этом движении каждая низшая ступень является подражанием более высокой так же, как отражение в воде или зеркале соотносится с отражаемым предметом. Ум является отражением Единого. Душа – это образ Ума, запечатленный в отражающей поверхности: душа – это то, что видит Ум, отражаясь в зеркале. Материя, в свою очередь, понимается Плотинном как поверхность зеркала, а чувственный космос – как отражение умпостижаемого космоса.

Познание в платоно-плотиновской традиции также сравнивается с «внутренним зеркалом». Оно может быть обращено в разные стороны: обращенное к миру, оно является отражением мира. Нужно повернуть это зеркало в нужную сторону, совершив «эпистрофу» – поворот ума. Если возникновение космоса понималось как серия нисходящих отражений Единого, то мистический опыт неоплатоников как бы направляет этот процесс в обратную сторону. Сначала душа, очистившись от отражений чувственного космоса, видит самое себя как поверхность зеркала. Затем в нём она начинает различать отражение Ума, а после этого в сокровенной глубине Ума, отраженного в зеркале, душа видит Единое. Так совершается обращение («эпистрофе»), в результате которого душа становится отражением Бога («Единое» неоплатоников).

Отношение христианства к символике зеркала амбивалентно. С одной стороны, символ премудрости как «чистого зеркала действия Божия и образа благодати Его» присутствует в Библии¹. Кроме того, символика зеркала в христианстве связана также с неоплатоническими мотивами

мира как зеркала, в котором человек может созерцать образ Божий: Творца, как в зеркале, можно увидеть в творении. С другой стороны, зеркало в христианстве считается также символом ложной духовности. Оптическая метафора зеркала является, как правило, атрибутом мистицизма, а путь мистицизма амбивалентен. Сложно сказать, приводит ли этот путь к Богу или уводит в зазеркальный лабиринт состояний, в которых «душа уходит от Бога с мнением, что она приходит к Нему»². С этой точки зрения характерна эволюция (точнее, инволюция) от понимания Бога как «зеркала всех зеркал», «лица всех лиц» в мистическом пантеизме Н. Кузанского к имперсональному мистицизму Я. Беме, который определяет Бога как зеркало, в котором «ничего не отражено».

Сравнение души совершенного святого с зеркальной или другой отражающей поверхностью имеет место также в мусульманском мистицизме. Достигшая святости душа сравнивается с отражающей поверхностью драгоценного камня, в которой нет ничего, кроме отражения Имени Божьего. По словам Ибн Араби, «подобно драгоценному камню, мы – лишь место манифестации имен». Существует мусульманская легенда о том, как ученики Байазиды взбунтовались против него, когда он воскликнул: «Под моими одеяниями нет ничего, кроме Бога!». Но когда они попытались убить Байазиду, удары их ножей ранили только их самих, ведь совершенный святой подобен чистому зеркалу, которое показывает каждому его собственные свойства.

В буддизме освободившаяся душа также сравнивается с зеркалом, но таким, в котором ничего не отражается. В дальневосточных вариантах буддизма разработаны своеобразная феноменология сознания и техники его очищения, напоминающие античную эпоху и феноменологическую редукцию Э. Гуссерля. Сознание сравнивается с зеркалом, в котором все время что-то отражается. Предметы, заполняющие сознание, мешают нам увидеть «чистое сознание», подобно тому как отраженные в зеркале предметы мешают заметить его поверхность. «Очищение сознания» сравнивается с такой перефокусировкой взора, когда мы, прекращая замечать отраженные в зеркале предметы, видим только его поверхность.

Наконец, излишне напоминать, насколько фундаментальна роль символики зеркала в развитии философии от марксистской теории сознания «как отражения объективной действительности» до лакановской «стадии зеркала» в развитии личности. Философское мышление в данном случае, не ведая того, повторяет сакральную символику.

Сделаем предварительное обобщение: сравнивая символику зеркала в истории сакральных традиций и в истории философских учений, мы можем отследить «метаморфозы зеркальной поверхности» – созерцающей себя души. Резуль-

татом сходных методов «очищения ума» в различных учениях является: 1) зеркало, в котором отражается Бог; 2) зеркало, в котором не отражается ничего; 3) зеркало, в котором отражается мир (классическая философия); 4) зеркало, в котором отражается Другой (неклассическая философия: Сартр, Лакан). Можно констатировать своеобразную эволюцию (а точнее, инволюцию) архетипа. Когда-то в очистившейся душе, как в зеркале, отражался Бог... затем в очистившейся душе отражается только пустота... затем – «Другой». Впрочем, в двух последних случаях более корректно вести речь уже не об «Уме» или «душе», а о сознании как термине десакрализованной лексикой.

Причем нельзя не заметить, что «Другой», который, замещая собою образ Божий, появляется в философских концепциях XX в., уже явно относится к разряду «зазеркальных наваждений». Самоидентичность человеческой личности конституируется в рамках отношений «Я – Другой», это тема как французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), так и структурного психоанализа (Ж. Лакан). Человек обретает «наличное бытие» лишь под взглядом Другого (Сартр). О начале формирования личности можно говорить только тогда, когда ребенок начинает узнавать себя в зеркале, а он узнает себя в зеркале только тогда, когда в его сознание входит понятие Другого (Лакан). Но беда в том, что Другой, который является необходимым условием моей самоидентичности, тоже в свою очередь может обрести самоидентичность только отражаясь в зеркале моего сознания – и никак иначе. Отсюда драма отношений с Другим – игра взаимных уловок, неизбежно перерастающая в войну экзистенций (Сартр); растворение реальности Его в игре взаимоотражений и взаимных отсылок (Лакан). Возникает уводящая в никуда игра отражений и взаимоотражений. В зеркале отражается мое отражение в сознании Другого, который в свою очередь пытается конституироваться, лишь отражаясь в моем сознании. Это напоминает приемы святочных гаданий, когда при помощи двух зеркал выстраивается зеркальный коридор, в котором должен появиться некто, и этот «некто» приходит, конечно, из мира фантомов. Таким образом, тот, кого мы называем «Я», сущностно связан с миром зазеркалья и является иллюзорной личностью в той же мере, в которой иллюзорен всякий предмет, отраженный в зеркале. «Я» – это мнимая личность, зазеркальный фантом, который светит не своим собственным, а лишь отраженным светом.

Добавим еще один штрих к той картине «метаморфоз зеркальной поверхности», которая являет себя в исторических изменениях символики зеркала. Инволюционному нисхождению образов, отражающихся в зеркале (Бог – пустота – Другой), соответствует инволюционное нисхождение самоидентификации: «Ум – душа – сознание – “я”

(ego)». Заметим, что современная философия говорит уже не о духе (или «уме», как у неоплатоников) и не о душе, а о сознании и личности – «я», или ego. С точки зрения сакральных традиций такие понятия, как «сознание» или «я», являются, по сути дела, маргиналиями. Сакральные учения ведут речь не о сознании и не о личности («я»), а о душе и духе. Созерцанием образа Божьего конституируется дух (ум) и душа; созерцанием пустоты конституируется «чистое» сознание как поток состояний – дхарм в буддизме; созерцанием Другого конституируется «я» (ego) как некая ложная, фантомная личность.

В этом лабиринте образов, отраженных в зеркале, их взаимоотражений (обзор которых был произведен) особняком стоит православие. Если у католиков, в соответствии с поверьем, что выпуклые зеркала не только отражают, но и вбирают в себя свет, имело место даже изготовление специальных зеркал для паломников (в Германии), желающих уловить и сохранить в зеркалах благодать от святых реликвий, то в православном быту отношение к зеркалам было сугубо негативным. Тем не менее если мы будем утверждать, что «зеркальная символика» в православии отсутствует, то погрешим против истины. В православии, так же как и в других сакральных традициях, можно встретить сравнение очистившейся души с зеркалом, в котором отражается Бог³.

Но нам важно констатировать не просто наличие, отсутствие или минимизацию символа зеркала в православии. Важно другое: опыт, обретаемый «по ту сторону» зеркала, – это опыт мистицизма. Опыт души, ставшей отражением Бога (пусть даже отражением максимально чистым), все-таки остается опытом только «по ту сторону зеркала». Иначе говоря, это «опыт зазеркалья», т. е. той самой области мнимого пространства, которая традиционно считается территорией, где нас подстерегают морок и соблазны. И вот здесь православие стоит особняком, поскольку только в нем существует опыт святости (феозиса) как состояния, отличного от мистического опыта. В других сакральных традициях не проводится четкой границы между *мистицизмом* и *святостью*: например, в духовном опыте католиков и протестантов мистик может называться святым. Здесь духовный опыт порожден тем состоянием, против которого предостерегает православная аскетика, когда «ум пребывает вне тела». Различие между мистицизмом и святостью может быть определено только на основе духовного опыта православных святых. Если мистический опыт мы сравнили с опытом «по ту сторону зеркала», то в опыте святости совершается выход из зазеркалья и благодать обретается «по одну сторону» зеркала.

Сходные процедуры «очищения ума» (в православии это аскеза, борьба со страстями и помыслами) приводят в практиках исихазма к созерцанию «света Фаворского» – «нетварно-

го света», – в то время как свет, отраженный в зеркале, может быть, очевидно, только тварным. Далее: «оптическая» метафора созерцания, отражения, зренья и умозренья, которая традиционно связана с мистическим опытом как античности, так и католицизма, в православии заменяется «энергийной» метафорой – речь идёт не просто об *отражении* Бога в душе, но о *синергии* с Богом. Различие очевидно: отражение светит холодным светом. Здесь душа пытается обрести Бога в мнимом пространстве зазеркалья. Напротив, в опыте синергии совершается соединение с Богом по энергии, т. е. «по сю сторону» зеркальной поверхности.

Более того, в православной аскетике существует явное и недвусмысленное предостережение и даже запрет на оптическую и «эйдетическую» установку визуализации образов. Именно в эйдетическом опыте, предостерегает аскетика православия, таится самая большая опасность для души – «прелести духовной» (от слова «прельщать»), которая в православной аскетике считается состоянием гораздо более тяжёлым, чем обычные плотские грехи. «Преподобный Нил Синайский (V в.) предупреждает: не желай видеть чувственно Ангелов или Силы, или Христа, чтобы с ума не сойти, приняв волка за пастыря, и поклонившись врагам-демонам». Преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), рассуждая о тех, кто на молитве «воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых, прямо говорит, что это есть знак прелести»⁴. Оптический (эйдетический) опыт, в отличие от опыта энергийного, не может отличить настоящего источника света от его зеркальных отражений, поэтому он чреват состоянием, когда «душа уходит об Бога с мнением, что она приходит к Нему». Случайно ли, что только в духовном опыте православных есть предостережение против подобного состояния, которое получило название «духовная прелесть»?

«Зеркальную символику» мистицизма можно сопоставить со стремлением встать «лицом к лицу» с Богом. Против этой стратегии предостерегает св. Григорий Богослов, противопоставляя ей другой – «хождения вослед» и «следования за Богом». «Богопознание есть следование за Ним <...> А кто в движении <...> направляет взор, чтобы видеть ведущего в лицо, тот пролагает себе иной путь, а не пролагаемый Вождем <...> не становись лицом к лицу перед ведущим, потому что тогда шествие твоё будет в противоположную сторону, доброе не в лицо смотрит доброму, но следует за ним. Поэтому и говорит Бог, что нельзя человеку увидеть лицо Его и остаться в живых»⁵. Здесь можно увидеть соответствие опыту православной аскетике. Стратегия «хождения вослед» соответствует синергии с Богом, а стратегия «лицом к лицу» – установке на эйдетическое созерцание, против которого предостерегает православная аскетика.

Видение «лицом к лицу» будет возможно только после освобождения от той зеркальной преграды, каковой является земное тело.

Рассмотрим ещё одну параллель, которая сегодня уже стала «общим местом» сравнительного религиоведения, – между практиками «очищения ума» в различных сакральных традициях и методом феноменологической редукции Э. Гуссерля. Сходная цель – созерцание «чистого ума», «чистого сознания», или «трансцендентальной субъективности», – сходные методы фокусировки (интенциональность) и очищения сознания от созерцаемых предметов («феноменологическое эпохе»), но при этом разные результаты, причем разные настолько, что вызывает удивление, почему, констатируя сходство между методом Гуссерля и техниками фокусировки и очищения ума в мистических практиках, никто не обратил внимания на различие в результатах.

Итогом очищения ума в различных сакральных традициях является созерцание света – либо нетварного, либо отраженного в зеркале. Итогом очищения сознания в результате феноменологической редукции Э. Гуссерля также является созерцание чистого сознания, но не как *света* и не как *зеркала*, а как *потока времени*. Видимо, «чистый свет» мистицизма, с одной стороны, и феноменологический «поток времени», с другой, имеют некую общую глубинную основу.

Теперь мы можем более полно, чем в предварительном обобщении, представить итоги «сравнительной феноменологии очищения ума» в различных сакральных и философских традициях: видение нетварного света (света Фаворского) очистившейся душой и синергия с Богом (по «сю сторону» зеркала); видение света или Бога как чистого света, отраженного в зеркале ума (по «ту сторону» зеркала); видение собственного сознания как пустой поверхности зеркала; заселение пространства зеркала фантомами, например фантомным образом Другого; и, наконец, rastворение всех образов в потоке времени. Нам осталось уяснить связь и субординацию между символикой зеркала и понятием времени.

«Общим знаменателем» для символов зеркала, потока и времени является символ воды, которая, как уже было сказано, во всех традициях считается символом душевной стихии, поэтому в различных традициях наряду с символикой зеркала к душе (или сознанию) применяется также символ потока. В буддизме «непомраченное состояние» сознания, которое сравнивается с зеркальной гладью поверхности океана во время штиля, противопоставляется «помраченному состоянию», в котором «ветер неведения» вызывает волны и течения сансары. Символика потока сопрягается с тем, что составляет квинтэссенцию любой текучести, – течением времени.

В платоно-платиновской традиции время сопрягается с подвижностью души, которая вносит активность и движение в неподвижный мир идей

и выполняет, таким образом, функцию посредника между вечностью идей и рассыпающейся материей. Тварное бытие оказывается причастным к вечности через время – «подвижный образ вечности». И наоборот, время отмечает собой отягощенность вечности тварным бытием, где вечность заменяется бесконечной чередой «рождений-и-смертей» тварного мира.

Христианство добавляет существенный нюанс в понимание тварного: тварное состояние дифференцируется на *тварное не падшее* и *тварное падшее*. Христианское понимание падшести отличается и от античной концепции «забвения», и от буддистской концепции «погрязшего состояния», которые, в отличие от падшести, считаются состояниями, фатально вытекающими из самой природы сознания. Как символ зеркала, так и символ времени могут рассматриваться в качестве атрибутов не просто тварного, но падшего бытия. Существует мифологический сюжет, в котором грехопадение трактуется как «пленение зеркалом»: человек увидел свое отражение в водах нижних стихий и, пленившись собственным отражением, пал в низшую природу, предпочтя реальности ее отражение⁶. Х. Л. Борхес парадоксальным образом соединяет различные аспекты грехопадения в суждении, которое он приписывает ересиарху вымышленной страны: «Зеркала и совокупления отвратительны, ибо они умножают сущее»⁷.

Дело в том, что как зеркало, так и время можно рассматривать в качестве символов а-топии (отсутствия топоса, т. е. места), что связано с темой изгнания и утраты духовной родины. После изгнания из Эдема человек в любой точке пространства чувствует себя изгнанником, и единственным приютом его души становится время (либо мнимый топос зазеркального пространства). Связь темы времени как единственного приюта экзистенции с темой изгнания хорошо прослеживается в философии французского экзистенциализма. Человек везде – «Посторонний» (название повести А. Камю), для которого «ни в жизни, ни в смерти нет ни родины, ни мира». Единственно возможным способом бытия такого существа становится непрерывное экзистирование – преступание всех границ и смещение во времени.

Нужно добавить еще один немаловажный штрих к сравнительному анализу «феномено-

логии очищения ума» в разных традициях. Исследование В. Г. Вишневого выявляет ряд параллелей между античными практиками «очищения ума» и практиками «умного делания» в аскетике православия. Античному *эпистрофе* и *метаноие* (поворот ума) в православной аскетике соответствует *смирennemудрие* и *покаяние*. Античному *эпохе* (очищение ума, воздержание от суждения) в православии соответствует *борьба со страстями и помыслами*. Исследователь отмечает, что православное покаяние, в отличие от античного эпохе, является воздержанием не столько от суждений, сколько от страстей и помыслов⁸. К этому мы добавим еще одно принципиально важное различие: покаяние является не просто одним из феноменологических приемов очищения, но таинством исцеления души.

В итоге можно сказать, что поверхность зеркала или поток времени – это тот предел, до которого может осознать себя душа, когда совершается процедура «очищения ума» без таинства покаяния. «Очищение ума» (античного эпохе, буддийские техники или феноменологическая редукция и др.) без таинства покаяния приводит лишь к всматриванию в природу своей падшести, которая в данном случае принимается за «собственную суть» сознания. Напротив, первым шагом к своей сути может быть только осознание своей природы как падшести.

Примечания

- 1 Интересная и подробная подборка материала по этой теме приводится в исследовании Ф. Синкевича. См.: Синкевич Ф. Феномен зеркала в истории культуры. С. 10–15. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/sink/fen_zerk/php (дата обращения: 02.12.2011).
- 2 Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Имена. М., 1998. С. 355.
- 3 См.: Синкевич Ф. Указ. соч. С. 13–14.
- 4 Непознанный мир веры. М., 2007. С. 333–334.
- 5 Флоровский Г. Восточные отцы церкви. М., 2005. С. 190–191.
- 6 См.: Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998. С. 158.
- 7 Борхес Х. Л. Тлен, Укбар, Orbis Tertius // Борхес Х. Л. Проза разных лет. М., 1989. С. 51.
- 8 См.: Вишневский В. Г. Разум и разумность (опыт античной и православно-святоотеческой метафизики разума). Саратов, 2002. С. 56.